

Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение

Куркин Б.А.,

*доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права
Юридического института ТГТУ, эксперт Германской службы академического обмена
(DAAD), Тамбов, Россия, kurkinba@gmail.com*

Мурашкина О.В.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров ИГСУ
РАНХиГС, Москва, Россия, www.ganepa.ru*

В статье анализируются случаи применения А.С. Пушкиным ненормативной лексики и история ее цензурирования. Раскрывается исторический смысл и значение выражений, ставших ненормативными, а также их место и смысловая функция в трагедии.

Ключевые слова: ненормативная лексика.

Для цитаты:

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №3. С. 16-27. doi: 10.17759/langt.2019060302

Forcitation:

Kurkin B.A. Murashkina O.V. Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S. Pushkin: its goal and meaning [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 16-27. doi: 10.17759/langt.2019060302 (In Russ., abstr. in Engl.)

Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» – глубоко религиозное, православное произведение о грехе отдельного человека и народа в целом, расплате за него, о человеческой истории как Промысле Божиим.

Мир «Бориса Годунова» – это сосуществование и взаимодействие двух миров: духовного незримого и видимого материального, миров горнего и дольнего.

Эта идея выражается в трёх аспектах. В содержательном плане – изображением чудес, почерпнутых Пушкиным из житий святых и русских летописей, структурной организацией материала, подчеркивающей неимоверность случившегося – беглый бродяга въезжает на белом коне в Кремль, неумолимость хода событий и его неподвластность человеку, и лексически – использованием слов и выражений, свидетельствующих о мире запредельном. Последнее станет предметом нашего разговора.

В трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» нет случайных слов. Лексическими средствами, но не только ими, Пушкин добивается передачи духа и глубинного смысла изображаемого. Важно при этом знать истинный, исконный смысл слова, дабы адекватно понять пушкинскую мысль.

Мы, например, редко задумываемся об исконном смысле слова «убогий», означающего «божий человек». Благодаря его издевательскому употреблению революционно-демократической пишущей братией, оно обрело современный смысл и стало означать «скудоумный», «неполноценный». То же произошло и со словами «юродивый», «юродствовать», обретшими явно презрительный, негативный смысл.

В ряду слов, требующих раскрытия их исконного значения, стоят слова пушкинских героев «очаровать», «обворожить». С помощью последнего Пушкин характеризует потусторонний, «нечистый» характер воздействия Самозванца на людей, явившихся к нему просить меча и службы.

«Обворожить» является синонимом словам «очаровывать», «околдовать», «оволхловать», «обморочить» - выражению «наслать мороку». И если понимать пушкинские слова в их исконном значении, то становится понятными и эпитеты, которыми награждают Гришку Отрепьева противоположные по своему духовному складу люди – Патриарх, Игумен и не стесняющийся в выражениях капитан Маржерет: «сосуд дьявольский», «бесовский сын», «пострел окаянный» и, наконец, «дьявол». И эти выражение отнюдь не «фигуры речи», а подтверждение факта продажи Отрепьевым своей души дьяволу, о чем читатель может сделать вывод, вдумавшись в смысл сна Григория – сна-предупреждения о грозящем ему погибелью души соблазна, сна-послания из «тонкого мира», сна-предостережения от рокового шага. Посему для адекватного понимания смысла и значения описываемых в трагедии событий столь важно верное истолкование слов и понятий, содержащиеся в пушкинском тексте, включая ненормативную лексику. По меткому выражению В.С. Непомнящего, у Пушкина «нет праздно висящих ружей» [6, с. 312].

Трагедия «Борис Годунов» – единственное из предназначавшихся автором для печати произведений А.С. Пушкина, в котором была предпринята попытка использования ненормативной лексики (о ненормативном выражении в «Телеге жизни» Пушкин делает оговорку: «Можно напечатать, пропустив русский титул...»)[9, с. 124]. Речь идет о репликах двух героев – монаха Варлаама и капитана Маржерета.

Пушкин, употреблявший порой крепкие выражения в письмах к близким ему людям, не был охотником использования их в художественном произведении, однако допускал исключения из правил. «Есть шутки грубые, сцены простонародные, – писал он в одном из набросков предисловия к своей трагедии. – Хорошо, если поэт может их избежать, — поэту не должно быть площадным из доброй воли, — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным»[14, с. 301].

Как справедливо отмечает П.В. Палиевский, Пушкин стремился развить самобытность и живость русского языка, [7, с.70] обильно употребляя в своей трагедии простонародную речь. Этим достигалась максимальная естественность художественного изображения.

«... я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность, – писал Пушкин П.А. Вяземскому еще в 1823 году, – не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» [8, с.85].

Разумеется, никакой «похабности» в обыденном понимании этого слова в Библии нет, и слова Пушкина следует понимать в том смысле, что художественному языку надобно придать натуральности могучей простоты.

Сугубо функционально подходил поэт и к употреблению ненормативной лексики. Сразу же по окончании «Бориса» не прочитавший еще трагедию В.А. Жуковский запросил через П.А. Плетнева у Пушкина текст произведения для чтения лекций по русской истории

великой княгине Елене Павловне. По этому поводу Пушкин отписывал Плетневу в начале марта 1826 года: «Какого вам Бориса, и на какие лекции? В моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу» [13, с. 229]. «На всех языках», впрочем, – это всего лишь на двух: русском и французском. В немецком исполнении «лая матерна» в пьесе отсутствует.

А еще ранее в письме к П.А. Вяземскому от ноября 1825 г. Пушкин написал, что все персонажи в его «Борисе» «очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по-матерну бранится; цензура его не пропустит» [12, с. 213].

Цензура его и не пропустила. Но на то она и цензура, чтобы стоять на страже благочиния.

Грубиян Маржерет

Цензурная история пушкинского «Годунова» в целом достаточно хорошо известна. По поводу языковых вольностей в трагедии некий внутренний рецензент III Отделения Е.И.В.С. канцелярии (ряд исследователей полагает, что это был Ф.В. Булгарин) записал: «Некоторые места должно непременно исключить. Говоря сие должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произнести ни в одном благопристойном трактате! Например, слова Маржерета» [25, с. 220].

Несдержанный Маржерет и впрямь употребил несколько выражений, которые наверняка смутили бы публику. Первым крепким выражением стало «... ça n'a que des jambes pour foutre le camp» (если переводить дословно, «ноги, чтобы сматываться («сваливать», «смывать»), которое стеснительная цензура поменяла на благопристойное «...ça n'a que des jambes pour fuir» («... чтобы сбежать»).

Вторым грубым выражением стало «un bougre qui adu poil au cul» («тип с волосами на заднице», «шерстью на ж...»), замененное на невинное и светское «un brave à trois poils» – «храбрец», «бравый молодец», «смельчак», «задира».

Впервые в своем первоизданном виде эта пушкинская вольность увидела свет в 1887 году в изданиях сочинений Пушкина под редакцией П.О. Морозова [18, с.58] и Полного собрания сочинений поэта издания В.В. Комарова под редакцией П.А. Ефремова [15, с.55]. А еще явилось на свет Божий удаленное цензурой неблагочестивое и почти кощунственное «Tudieu».

Связано это было с истечением пятидесятилетнего срока права собственности наследников А.С. Пушкина на его произведения и цензурными послаблениями.

Что же до пушкинского «un bougre qui a du poil au cul» (это выражение в рукописи было отчеркнуто сбоку красным карандашом и отмечено знаком NB), то оно в советские времена было переведено, как «отчаянный головорез». Думается, аналогом ему на нынешний день могло бы стать «крутой брателло», «быкует волчара», или простонародное: «Взглянет – лес вянет». Можно и так: «Порос щетиной под хвостом», — как говорилось уже в шеститомном советском издании полного собрания сочинений Пушкина 1930 года [17, с. 293].

Редакция текста и переводов всех встречающихся в произведениях Пушкина слов, фраз и отрывков на иностранных языках, была выполнена в том издании профессором А.А. Смирновым [17, с. 5]. Впервые же крепкие слова капитана Маржерета были воспроизведены в их первоизданном виде в одномомнике сочинений поэта, вышедшем в 1924 году под редакцией Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева [16].

Впервые же Маржерету дозволено было дать волю своему языку лишь после победы Великого Октября – в однотомном издании Полного собрания сочинений Пушкина, вышедшем в 1924 году под редакцией Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева [16, с.293].

Любопытно, но маржеретовское «... ça n'a que des jambes pour foutre le camp» не было приведено ни в одном дореволюционном издании сочинений Пушкина, даже после Манифеста 17 октября, в том числе и академическом издании 1899 – 1916 годов! Ко второй же реплике – «un bougre qui a du poil au cul» – дореволюционная редакция была снисходительней и воспроизвела его (помимо упомянутого уже нами издания 1887 года) в изданиях 1900 [19, с.653], 1903 – 1906 (под редакцией П.О. Морозова) [20, с. 332] и 1917 годов [24, с. 653], а в изданиях сочинений поэта 1905 [22, с. 401] и 1899 – 1916 годов [23, с. 108 вторая пагинация] – исключительно в примечаниях.

В советских и российских изданиях приведен «первобытный» пушкинский вариант. Публикаторы очевидно полагали, что современный им советский читатель едва ли вникнет в тонкости маржеретовой лексики по причине дурного знания французского аргю.

В современном (советском) варианте слова Маржерета будут звучать так: «Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез».

«... у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать».

«Черт».

Как видим, перевод вполне благопристойный, если можно благопристойно перевести упоминание врага рода человеческого. Не то в оригинале. Но здесь надобно сделать пояснение: «мата» в нашем привычном понимании во французском языке нет, но сальностей, скабрёзностей и грязных выражений – в избытке. Как, впрочем, и в любом другом языке.

В наши дни светских львиц таким жаргоном не удивишь, а вот дамы пушкинской поры наверняка почувствовали бы себя оскорбленными и могли даже упасть в обморок.

Что до «удирать», то пушкинско-французское «foutre le camp» означает нечто куда более грубое, сравнимое по значению и экспрессии с нашим русским «у...бывать». И гораздо более грубым, нежели «черт», является отдающее богохульством «Tudieu», возмутившее рецензента ШОУтделения [25, с. 220, 234].

И так уж получилось, что в отличие от «Tudieu» маржеретовское «foutre le camp» так ни разу и не было опубликовано вплоть до победы Великого Октября. Разумеется, все эти тонкости были понятны просвещенной русской публике, для которой французский язык был родным или прекрасно усвоенным в гимназии, и малопонятны тем, для кого французский жаргон является иностранным, требующим для понимания специального словаря.

А сцена получилась очень динамичная: напряжение боя достигает предела: желающих воевать с «русским царевичем» немного, царские войска бегут, русские ратники оскорбляют («проклятый басурман») и передразнивают («лягушка заморская») иностранных военспецов-командиров, не обращая внимания на их приказы. Басманов делает удачную вылазку, но его опрокидывают. Ситуация становится критической. Все это время экспрессивный Маржерет и хладнокровный Розен обмениваются репликами, оценивая по ходу складывающуюся ситуацию. Маржерет говорит по-французски, Розен – по-немецки. Они прекрасно понимают друг друга. В сложившейся обстановке трудно требовать от боевых командиров, чтобы они выражались, словно в светском салоне да еще в обществе дам. Великолепен Розен. Он внутренне сосредоточен, немногословен и решителен. Он – сжатая до предела стальная пружина. Немец!

В отличие от сдержанного Розена, темпераментный Маржерет дает волю своему языку. Однако все «красоты» его речи в разгар боя Пушкину пришлось убрать. Нетрудно понять досаду автора: живость характера героя явно тускнеет.

С какой целью были использованы французский и немецкий языки, а также ненормативная лексика?

Ответ дает сам Пушкин, которому нужно правдоподобие. В одном из писем Пушкина к Н.Н. Раевскому-сыну есть такие известные строки: «2) язык. Напр., у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, произносит на чистейшем французском языке: “Увы! я слышу сладкие звуки эллинской речи” и проч. Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли, — все это не есть ли условное неправдоподобие?» [11, с. 179].

Но не только оно: с помощью французского и немецкого языков зримо и слышимо воплощается образ чужеродного иноземного элемента в разворачивающейся в России трагедии.

В отечественном литературоведении распространено мнение, согласно которому сцена «Равнина близ Новгорода-Северского» исполнена комизма. Так, Е. Г. Эткинд писал: «Капитан Маржерет говорит по-французски, Вальтер Розен – по-немецки; этот эпизод носит неожиданно балаганный характер» [26, с. 393].

О шутовском характере изображения Маржерета и Розена говорила в своем комментарии к «Борису Годунову» и Л.М. Лотман: «Пушкин придавал большое значение этой сцене, в которой дан образ грубой прозы войны и достигнут яркий комический эффект через смешение трех языков, представленных в живом “бытовании”, в эмоциональной речи. Для зрителей императорского театра здесь было смешение трех понятных языков, а для значительной их части, хорошо знавшей французский язык, была понятна и непристойность брани Маржерета. На основании этой сцены Пушкин заявлял, что его трагедия “не для дам”. Но у народного зрителя была возможна и другая, “запрограммированная” автором ассоциация — восприятие столкновения войск как “вавилонского столпотворения”» [5, с. 327].

Если допустить, что Пушкин пытался в этой сцене всего лишь изобразить «вавилонское столпотворение», дать образ «грубой прозы войны» и выставить в комическом свете своих героев-иноземцев, то становится непонятно, отчего в таком случае он придавал этой сцене «большое значение».

О шутовском характере батальной сцены пишет и канадский филолог Д. Клэйтон: «Комизм ситуации порождается реакцией русских на иностранные языки и изъясняющихся на них людей. Реакция беглых русских на иностранную речь незамысловата: они передразнивают акцент Маржерета, когда тот пытается говорить по-русски, и сравнивают его французский с лягушачьим кваканьем» [4, с. 187].

Непонятно, что в этой сцене собственно комического?

Что русские ратники передразнивают французского капитана?

Что один из командиров говорит по-французски, а другой по-немецки?

Подобный взгляд на пушкинскую сцену крайне поверхностен, хотя, разумеется, у каждого свое понимание комического.

Вдумаемся: уже один вид бегущего на тебя в панике войска картина не для слабонервных. Тут легко поддаться искушению пуститься наутек, а надобно стоять и сражаться, рискуя быть опрокинутым и затоптанным своими же. И в такой ситуации нет ничего удивительного в том, что французский капитан использует крепкие выражения,

ведь он в проигрываемом бою, а не на балу. И да: он дитя «просвещенных европ» – кощунник и богохульник. И в том его отличие от русских воинов, охваченных душевным смятением и страхом Божиим. Ведь они поставлены перед страшным выбором – биться на смерть за царя-святоубийцу – защитника Руси и веры православной, которому они приносили присягу, или же встать на сторону законного царевича, ведущего на Русь иноверцев-еретиков и иноплеменников. «Воины (бегут в беспорядке), – гласит пушкинская ремарка. – Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!».

Один событийный и смысловой ряд. Ключевое слово: «Беда!»

Эти душевные переживания совершенно чужды двум капитанам-иноземцам, честно отрабатывающим свой контракт.¹ Сцена «Равнина близ Новгорода-Северского» – это (помимо многого прочего) символ противостояния России и Запада, двух культур, двух противоположных воззрений на мир. Русские для иноземцев – всего лишь презренные трусы, ищущие себе оправдания.

Маржерет же для русских – басурман, нехристь, «лягушка, квакающая на русского царевича», чужак и почти что враг, ставший нежданно-негаданно их «товарищем по оружию».

Иностранцам совершенно непонятна духовная коллизия, возникающая в душе русского человека. К русским воинам француз обращается уже по-русски и с явным акцентом. Этот прием будет использован Пушкин в дальнейшем. С акцентом заговорит по-русски русский немец генерал Андрей Карлович Р. из «Капитанской дочки», по-французски будет изъясняться в ряде эпизодов и Лже-Дефорж, сиречь Дубровский.

Но вернемся к языковой теме и спросим себя, отчего француз Маржерет и немец Розен заговорили в «Борисе Годунове» каждый на своем родном языке? Логично предположить, что этим Пушкин хотел придать образу двух наемников пушную достоверность и дополнительные краски, живее и нагляднее выделить этих героев в ряду прочих персонажей – представителей иной культуры, подчеркнуть их чужеродность среде, в которой они живут и действуют. Ведь заговори они по-русски, эффект их присутствия в сцене явно снижался бы.

Уместно будет напомнить и то, что в критической ситуации человек предпочитает говорить на своем родном языке и уж тем более – браниться. Помимо этого у каждого пушкинского персонажа свой язык, своя манера речи и выражения чувств. Да и мелодика французского и немецкого языков – разная, а посему образы двух капитанов наполняются в прямом и переносном смысле своим, только им присущим, «звучанием». К тому же читающая публика в пушкинские времена в подстрочном переводе не нуждалась. В этом проявляется стремление Пушкина к преодолению сложившихся в драматическом искусстве условностей, авторское новаторство.

«Сукины дети»

Именно так называет пушкинский Варлаам стражников в сцене «Корчма на Литовской границе». Именно «сукины дети», употребленное единожды Пушкиным в одном из черновых вариантов «Бориса Годунова», значит в тексте трагедии, начиная с советских времен. В прежних изданиях стояло «пострелы», а в черновом варианте – даже «б...ны дети» [21, с. 401], [20, с. 636]. То же самое говорится и в Примечаниях к «Борису Годунову»,

¹ Впоследствии исторические Ж. Маржерет и В. Розен будут так же верой и правдой служить и Лжедмитрию I, и Лжедмитрию II, а француз напишет воспоминания о русской Смуте, посвятив их своему королю Генриху IV.

опубликованных в четвертом томе Собрания сочинений поэта, изданном Императорской Академией наук в 1916 году [24, с. 101 вторая пагинация].

О том же повествуют и современные отечественные авторы [5, с.302].

Таким образом, в первом рукописном варианте у Пушкина значилось «б...ны дети», во втором – «сукины дети», а в третьем, печатном – «пострелы». Кем была осуществлена окончательная правка – Пушкиным или кем-то еще – неизвестно.

В связи с этим возникает вопрос, отчего автор решил использовать крепкое русское слово, бывшее на момент написания трагедии уже целый век нецензурным? Какой смысл вкладывал в него Пушкин?

В комментарии к «Борису Годунову» Л. Лотман пишет: «Пушкин понимал, что такие выражения вызовут возражения как нарушающая приличие грубость, но ему было очень важно включение грубого, колоритного просторечья в текст. <>Между тем источником грубого выражения является свидетельство Карамзина, помещенное в примечаниях к III тому, главе I (примечание 5). Здесь историк говорит о том, в каких выражениях летописцы “осуждали своеволие новгородцев”. В некоторых рукописях еще сильнее “обычай б..диных детей”» [5, с.301 – 302].

Из сказанного вытекает, что Пушкин просто решил похулиганить, вдохновившись чтением сносок у Карамзина. Версия любопытная, но не очень убедительная. В «колоритности» ли просторечья тут дело? Посему полезно будет обратиться к этимологии этого ставшего нецензурным слова, к его первоначальному смыслу (смыслам).

Выражение «б..дины дети» несут, как представляется, тонкую смысловую нагрузку, понятную всем в веке XVII-м, мало понятную уже в пушкинские времена и понятную далеко не всем профессионалам века нынешнего. Но здесь мы вынуждены пойти наперекор современным правилам приличия и разъяснить кое-какие деликатные моменты относительно выражения, рассматриваемого ныне в качестве совершенно нецензурного.

Как справедливо отмечают современные исследователи, в частности, А.Л. Юрганов, значение слова «б..дь» в языке русского средневековья являет собой сложную контаминацию, структурными компонентами которой будут «ложь», «ересь», «распутная женщина» [27, с. 199 – 203].

Во всех этих значениях данное слово употреблял и протопоп Аввакум, писавший и о римской (читай, католической – Б.К.) ереси, и о заблуждении астрологии (внешней бл..ди»), и о погубившей библейского Самсона Далиде (Далиле) [3, с. 102, 326; 306; 171].

Именно ошибку, заблуждение, ересь означает это слово в переводе с церковнославянского. Оно – «блядивы») – звучит в 1-м послании к Тимофею (1 Тим. 5:13) в значении «болтливы», употреблялось и употребляется ныне в канонах святым, посрамлявших еретиков, оно звучит в древних летописях и старопечатных книгах. Статус же «крепкого» это слово обрело благодаря горячей любви к нему В. К. Третьяковского и невзлюбившей то же самое слово императрице Анне Иоанновне, которой читал свои стихи незабвенный Василий Кириллович.

Из богослужебного текста можно услышать выражения «Иерихонские Б..ди» или «Б..довый язык». Слово «б..дь» означает в этом случае неверность, лживость. «Б..довый язык» — это лживый язык. Как говорят источники, в библейские времена, жители города Иерихон славились своей лживостью.

Одним словом, в богословских трудах русских средневековых авторов, слово “б..дь” было синонимом слова “ложь”, “ересь”. Но ложь в то время... была тесным образом связана с дьявольским миром и противостояла Правде Истинной, — самому Христу.

И ни у кого не возникало сомнений в благочестивости того, кто эти слова произносил или употреблял их в письменной форме. А к середине XVII в. резко возрастает число упоминаний словосочетания “б..дин сын”, которые стали использоваться в качестве своеобразного оружия против тех, кто не принял нововведений Никона. Впрочем, и Аввакум называет так никониан.

Итак, Правде истинной противостоит «б..дь» (ложь), иначе говоря - Христу противостоит Дьявол, носитель тьмы, породитель “б..ди”.

Возвращаясь после такого затянувшегося экскурса к сцене в корчме, отметим, что пушкинское «б..дины дети», вложенное в уста Варлаама, в очередной раз подчеркивает несправедный, лживый характер власти, равно как и всего творящегося вокруг Бориса и Гришки Отрепьева, являющегося в то же самое время возмутителем лжи и ереси. Он тоже «б..дин сын». И притом в первую очередь.

Стражники служат «святоубийце» Годунову, царю, отстроившему свою власть на лжи, то есть, на... Таким образом, приставы предстают персонификациями несправедной власти, и пушкинское «б..дины дети» становится как нельзя более уместным и адекватным ситуации.

Выражение же “сукины дети” явно снижает градус и низводит фразу с ее религиозно-политического уровня до уровня бытового, тривиального ругательства по конкретному адресу занимающихся вымогательством годуновских правоохранителей. И Отрепьев в их поле зрения попадает совершенно случайно: мотивом «установления личности» становится тривиальное желание приставов поживиться за счет трапезничающих; забыты все «ориентировки», полученные от начальства. И надо же такому случиться, что нападают они на тех, кого обязаны «изловить» и «препроводить»!

В советское время пушкинский Варлаам стал кричать «сукины дети». Впервые он употребил это выражение в одномомнике сочинений Пушкина 1924 года [16, с.282]. Очевидно советские текстологи, не решившиеся употребить пушкинское «бл...ны дети», решили, что «пострелы» применительно к приставам будет звучать слишком мягко. Ведь пострелами часто называют детей-баловников.

Что же касается «пострелов», то они присутствовали во всех изданиях сочинений Пушкина, за исключением двух. Так, в 1905 году П.А. Ефремов дерзнул проявить инициативу и вставить в пушкинский текст собственное «собачьи дети»[21, с.93]. Пушкинское «сукины дети» явно резало слух воспитанному в старых традициях Петру Александровичу, к тому же «его превосходительству». А через три года не обремененный чинами-званиями С.А. Венгеров впервые в истории русского книгопечатания отважился воспроизвести исконно пушкинское «б... дети»[2, с.332]. Именно так. С отточиями. Позволить себе подобную дерзость советские литературоведы-текстологи не смогли, ограничившись примечаниями в ряде комментариев к трагедии и неизменными «сукиными детьми».

Их очевидно не насторожило то, что одним из эпитетов, которым награждает Гришку Отрепьева пушкинский Патриарх, становится помимо «бесовского сына» и «сосуда дьявольского» «пострел окаянный».

И тут впору обратиться к этимологии слова «пострел». Как отмечал академик В.В. Виноградов, ссылающийся на В.И. Даля, «кроме своего прямого значения — удар, кондрашка, апоплексия, пострел, приобрело также значение: злая, враждебная сила, нечистый, злобный дух, черт»[2, с.519].

Следует признать, что слово «пострел» у Пушкина более чем уместно. Все, что происходит вокруг Самозванца, есть бесовщина в чистом виде, и потому употребление этого слова пушкинским героем хотя и менее точно, чем выражение «б..дины дети» (власть

Бориса не бесовская, она несправедная), однако куда глубже по смыслу, нежели бытовое, хотя и емкое «сукины дети».

Соответственно, эпитет «пострел окаянный» будет означать в устах Патриарха «проклятый», одержимый дьяволом».

Так что отнюдь не в колоритности «просторечья», о котором писали советские комментаторы «Годунова», тут дело. Каждое слово у Пушкина несет в себе явные и скрытые смыслы, и присутствие ее в тексте отнюдь не следствие любви поэта к соленому словцу. Для внешней экспрессии «сукиных детей» ему вполне хватило бы. Каждое ругательство в трагедии имеет свою функцию и, в частности, указывает на скрытый, мистический пласт описываемой в «Борисе Годунове» Смуты.

Литература

1. Библиотека великих писателей под редакцией С.А. Венгерова. «Пушкин» Т. II Издание Брокгауз-Ефрон: С.-Петербург, 1908.
2. *Виноградов В.В.* История слов. М.: ИРЯ РАН, 2-е издание, 1999.
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Подготовка текста и комментарий: Н.К. Гудзия, В.Е. Гусев, А.С. Елеонская, А.И. Мазунин, В.И. Малышев, Н.С. Сарафанова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
4. *Клэйтон Дж. Даглас.* Тень Димитрия. Опыт прочтения пушкинского «Бориса Годунова» / Перевод с англ. Л. Семёновой и И. Саккулина. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2007.
5. *Лотман Л.М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996.
6. *Непомнящий В.С.* Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001.
7. *Палиевский П.В.* Развитие русской литературы XIX – начала XX века. Панорама. СПб.: Росток, 2016.
8. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому от 1 — 8 декабря 1823 г. // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. Том 9. Письма 1815 – 1830.
9. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
10. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому. Около 7 ноября 1825. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
11. *Пушкин А.С.* Письмо Н.Н. Раевскому-сыну из Михайловского от 1825 // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
12. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Плетневу от 7 (?) марта 1826 г. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: ГИХЛ, 1962. – С. 229.
13. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому 2 января 1831 // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
14. *Пушкин А.С.* Второй набросок предисловия к трагедии «Борис Годунов» // Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 6. Критика и публицистика.
15. *Пушкин А.С.* Полное собрание его сочинений / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Издание В.В. Комарова под редакцией П.А. Ефремова. Том Второй. Второе издание. С.-Петербург, Типография В.В. Комарова 1887.
16. *Пушкин А.С.* Сочинения. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева. Ленинград: Государственное издательство: 1924.

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина
«Борис Годунов»: цель и значение
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 16–27.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S.
Pushkin: its goal and meaning
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 16–27.

17. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А.В. Луначарского, П.Н. Сакулина, В.И. Соловьева, П.Е. Щеголева. Вступительная статья А.В. Луначарского. Москва, Ленинград: Государственное издательство, 1930. Том Третий. Поэмы, драмы. Редакция С.М. Бонди, Б.В. Томашевского и П.Е. Щеголева. Статья Н.С. Ашукина. Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год.
18. Сочинения А.С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаниями. П.О. Морозова. Томъ третій. Поэмы и драматическія произведенія (1825 – 1833). С.-Петербургъ: Типографія А.С. Суворина, 1887.
19. Сочинения Пушкина. Полное собрание въ одномъ томѣ. Издано подъ редакціей П.В. Смирновскаго. Издание книгопродавца А.Я. Панафидина. Москва, 1900.
20. Сочинения и письма А. С. Пушкина. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ издание, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаниями и художественными приложениями, подъ редакціей П. О. Морозова. Томъ третій. Поэмы, повѣсти и драматическія произведенія въ стихахъ (1820—1833). С.-Петербургъ, 1903.
21. Сочинения А. С. Пушкина/ Редакция П.А. Ефремова (в восьми томах) 1903 – 1906. Издание А. С. Суворина. Томъ III: Поэмы, драматическія произведенія. СПб.: 1903
22. Сочинения А. С. Пушкина/ Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Томъ VIII: Примѣчания, добавленія и поправки. СПб.: 1905.
23. Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академіи наукъ. Том четвертый. Петроградъ: 1916. Примѣчания.
24. Сочинения Пушкина. Полное собрание въ одномъ томѣ. Издано подъ редакціей П.В. Смирновскаго. Издание А.С. Панафидиной. Издание десятое. М.-Петроградъ, 1917.
25. *Сухомлиновъ М.И.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Томъ 2. С.-Петербургъ. Издание А.С. Суворина, 1889.
26. *Эткинд Е.Г.* Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999.
27. *Юрганов А.Л.* Из истории табуированной лексики. Что такое “блядь” и кто такой “блядин сын” в культуре Русского Средневековья // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2000.

Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S. pushkin: its goal and meaning

Kurkin B.A.,

Doctor of jurisprudence, professor Associate Professor Department of Constitutional and Administrative law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia, kurkinba@gmail.com kurkin.boris2012@yandex.ru

Murashkina O.V.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPa, Moscow, Russia, www.ranepa.ru

The article analyzes cases of using obscene language by Pushkin and the history of their censoring. The author reveals historical value and meaning of expressions that became profanity, as well as their role and semantic function in the tragedy.

Keywords: non-normativelexicon.

References

1. Biblioteka great writers under the editorship of SA. Vengerov. "Pushkin" T. II Brokgauz-Efron Publishing: S.-Petersburg, 1908.
2. Vinogradov V.V. History of words. Moscow: ILI RAS, 2 nd edition, 1999.
3. The life of Avvakum, his own writer, and his other writings. Preparation of the text and comment: N.K. Goodzia, V.E. Gusev, A.S. Olives, A.I. Mazunin, V.I. Malyshev, N.S. Sarafanova. Moscow.: State publishing house of fiction, 1960.
4. Clayton. J. Douglas. Shadow Dimitri. The experience of reading Pushkin-sky "Boris Godunov" / Translation from English. L. Semenova and I. Sakkulina. SPb.: Academic Project, DNA Publishing House, 2007.
5. Lotman L.M. Historical and literary commentary // Pushkin A. S. Boris Godunov. - SPb.: Humanitarian Agency "Academic Project", 1996.
6. Nepomniachtchi V.S. Pushkin. Selected Works of the 1960s - 1990s TI. Poetry and Fate. M.: Life and thought, 2001.
7. Palievsky P.V. The development of Russian literature XIX - early XX century. Panorama. SPb.: Rostock, 2016.
8. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky from December 1 - 8, 1823 // *Collected Works in 10 volumes. M.: GIHL, 1959 - 1962. Volume 9. Letters 1815 - 1830*
9. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky on November 29, 1824 // *Collected Works in 10 volumes. V. 9, M.: State Publishing House of Fiction, 1962.*
10. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky. Around November 7, 1825 // *Collected Works in 10 volumes. V. 9, M.: State Publishing House of Fiction, 1962.*
11. Pushkin A.S. Letter N.N. Rayevsky son of Mikhailovsky from 1825 // *Collected Works in 10 volumes. V. 6, M.: State Publishing House of Fiction, 1962*
12. Pushkin A.S. P.A. Pletnev on March 7, 1826 // *Collected Works in 10 volumes. V. 9, M.: GIKHL, 1962. - P. 229.*
13. Pushkin A.S. P.A. Vyazemsky January 2, 1831 // *Collected Works in 10 volumes. V. 10, M.: State Publishing House of Fiction, 1962.*
14. Pushkin A.S. The second draft of the preface to the tragedy "Boris Godunov" // *Collected Works in 10 volumes. Moscow: GKHL, 1959-1962. Volume 6. Criticism and journalism.*
15. Pushkin A.S. A complete collection of his writing / Ed. P.A. Efremov. SPb.: Published by V.V. Komarov under the editorship of P.A. Yefremov Tom Second. The second edition. St. Petersburg, V.V. Komarov 1887.
16. Pushkin A.S. Writings Edited by B. Tomashevsky and K. Khalabaev. Leningrad: State Publishing: 1924.
17. Pushkin A.S. Complete works in six volumes under the general editorship of Demyan Bedny, A.V. Lunacharsky, P.N. Saku-lina, V.I. Solovyov, P.E. Shchegolev. Introductory article A.V. Lunacharsky. Moscow, Leningrad: State Publishing House, 1930. *Volume Three. Poems, dramas.* Editors S.M. Bondi, B.V. Tomashevsky and P.E. Shchegolev. Article N.S. Ashukin. Supplement to the magazine "Red Niva" in 1930.
18. Works by A.S. Pushkin. Publication of the Society for Assistance to Needy Scientists and Scientists, edited and filming explanations. BY. Morozov. *Tom the third. Poems and dramatic works (1825 - 1833).* St. Petersburg: Typography A.S. Suvorin, 1887.

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Ненормативная лексика в трагедии А.С. Пушкина
«Борис Годунов»: цель и значение
Язык и текст
2019. Том 6. № 3. С. 16–27.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
Non-normativ lexicon in «Boris Godunov» tragedy by A.S.
Pushkin: its goal and meaning
Language and Text
2019, vol. 6, no 3, pp. 16–27.

19. Writing Pushkin. Full assembly in one tomъ. Published under the editorship of P.V. Smirnovsky. Publisher bookseller A.YA. Panathidine. Moscow, 1900
20. Works and letters of A. S. Pushkin. Critical support and additions to the manuscript edition, biographical sketches, introductory articles, explanatory and artistic appendices, edited by P. O. Morozov. *Tom third. Poems, narratives and dramatic works produced in verse (1820–1833)*. St. Petersburg, 1903
21. Works of A.S. Pushkin / Rev. PA Efremov (in eight volumes) 1903 - 1906 Published by A.S. Suvorin. *Volume III: Poems, dramatic picture*. SPb.: 1903
22. Works of A.S. Pushkin / Rev. P. A. Efremov. Published by A.S. Suvorin. *Tom VIII: Meetings, additions and amendments*. SPb.: 1905.
23. Composing Pushkin. Published by the Imperial Academy of Sciences. *Volume four*. Petrograd: 1916. Note.
24. Composing Pushkin. Full assembly in one tomъ. Published under the editorship of P.V. Smirnovsky. Izdanie A.S. Panathidine. Published tenth. M.-Petrograd, 1917.
25. Sukhomlinov M.I. Studies and articles on Russian literature and education. *Tom 2*. St. Petersburg. Published by A.S. Suvorin, 1889.
26. Etkind E.G. Divine Verb. Pushkin, read in Russia and in France. M.: Languages of Russian culture, 1999.
27. Yurganov A.L. From the history of taboo vocabulary. What is “fuck” and who is such a “fucking son” in the culture of the Russian medieval carpet // *Odyssey. The man in the story*. M.: Science, 2000.